

СЕКЦІЯ 1

Історія мови. Конгнітивна лінгвістика. Текстологія

Анатолій ВІНОГРАДОВ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОСЛЕЛОГАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (39) 2018

УДК 811.161.1'367.633

Виноградов А.О. Ще раз до питання про післялоги в російській мові; 10 стор.; кількість бібліографічних джерел – 20; мова російська.

Анотація. У статті ставиться питання про правомірність виділення у СРМ післялогів як окремої службової частини мови поряд із прийменниками. На окремому прикладі післялогів в угорській мові автор демонструє різноманітність обох категорій цих службових слів та некоректність інтерпретації одного через інше (прийменників через післялоги чи навпаки).

Ключові слова: російські прийменники, угорські післялоги, значення і синтаксична функція в іменних конструкціях.

В последнее время среди огромной массы научных публикаций, посвященных изучению новых явлений в современном русском языке как свидетельств его движения и развития, стали появляться работы¹, в которых пересматривается столь устоявшаяся данность, как система его частей речи, и в частности, категория служебных слов. Конкретно, объектом описания в этих работах выступает нетрадиционное функционирование предлогов, которые иногда – или даже, согласно мнению отдельных исследователей, «не так уж редко» [7, с. 279] – ставятся после управляемого существительного (случаи типа *не корысти ради*), а не перед ним, как в обычном употреблении. Исходя из этого факта, авторы данных публикаций склоняются к мысли, а порой утверждают вполне определенно, что в РЯ появилась (или появляется) новая часть речи – послелог. Мысль эта кажется несколько диссидентской, несмотря на то, что все более активизирующийся прогресс лингвистической науки ежедневно приучает нас к неустанной ломке привычных стереотипов и возникновению новых направлений, отраслей, ответвлений, дополнительных, конкретизаций и т.п. в существующих научных парадигмах.

Для носителя РЯ послелог, как известно, – явление экзотическое; они именуются, например, в тюркских и финно-угорских языках, также в языках некоторых кавказских народов (азербайджанском, лезгинском и др.) [12, с. 389; 20], где

они, присоединяясь к существительному, выражают вместе с ним, в основном, различные обстоятельственные значения. Согласно же новой концепции русских предлогов, они, оказавшись в постпозиции по отношению к существительному, грубо говоря, превращаются в послелог – т.е. в новую часть речи. См., напр.: [18].

К сожалению, для обоснования столь ответственного заявления, которое, без преувеличения, могло бы претендовать в других условиях на статус научного открытия, не приводятся сколько-нибудь серьезные аргументы. И прежде всего, на наш взгляд, неудачной является та исходная теоретическая посылка авторов подобных мнений, согласно которой послелог должен жестко ассоциироваться с предлогом – но, так сказать, «с противоположным знаком» (в смысле синтаксической позиции). Иначе говоря, первый должно толковать через второй, т.е. объяснять по принципу *qui pro quo*.

Истолкование сущности послелогов по данному принципу **в целом**, очевидно, можно принять, но лишь в качестве самого общего и предварительного комментария, подводящего, в целях удобства, новое, неизвестное (мало известное) языковое понятие к хорошо известному, знакомому понятию предлога² – как это и имеет место в ряде источников справочно-энциклопедического характера [12, с. 389; 19; 20 и др.].

* Данная статья является расширенным вариантом нашей работы «Так существуют ли послелог как отдельная часть речи в русском языке? (Реплика)».

¹ В частности, в рамках международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис».

² Именно так поступает Е.В. Муравенко, утверждая, что «послелог – это частный случай предлогов» [10, с. 6], при этом не считая нужным прибегать к какой бы то ни было развернутой аргументации и игнорируя тот факт, что послелог как языковая величина функционально и семантически коррелятивен предлогу лишь отчасти. – См. об этом, в частности, нашу статью [2].

Однако применительно к русскому языку вся соль «новой» трактовки послелогов заключается в том, что они не ассоциативно или метафорически, а **буквально** ориентируются – и ориентируют – на предлоги³. Например, послелоги объявляются в русском языке типологической разновидностью предлогов или их частным случаем [7, с. 279] – несмотря на то, что в отдельных современных научно-энциклопедических определениях послелогов прямо говорится, что в РЯ (как и в других славянских языках) послелогов нет; напр., в [19].

Согласно логике «диссидентской» интерпретации предлогов-послелогов, необходимым и достаточным признаком, отличающим предлоги в русском языке от послелогов – в нем же, – должна быть, таким образом, разная синтаксическая позиция (не функция!) тех и других по отношению к управляемому ими существительному. По этому поводу можно сказать следующее.

Синтаксическая позиция слова в конструкции (предложении, синтагме), как известно, не тождественна его синтаксической функции (роли) и не определяется ею – во всяком случае, для языков с нежестким порядком слов, таких, как русский. Заметим попутно, что в этом случае вопрос касается только знаменательных частей речи, обладающих, пусть в разной степени, лексическим значением. В русском языке предлог вместе с характеризуемым им существительным образует одну целостную синтаксему, в рамках которой вся лексическая нагрузка ложится, естественно, на существительное. Не претендуя на лингвистическую строгость формулировки, можно констатировать, что предлог, по сравнению хотя бы с тем же существительным, лексического значения лишен⁴. Вместе с тем предлог принимает заметное участие в конституировании смысла целой словоформы. Ср.: «Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы» [3, с. 139]; «предлог не только поддерживает и усиливает значения падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [там же: 531]. К этому сводится роль предлогов в языке.

³ В несколько завуалированном виде мысль о том, что послелоги – это «предлоги наоборот», проводится в противоположно построенной формулировке: «В русском языке функции, выполняемые <...> послелогом, берут на себя предлоги» [7, с. 278]. См. также предыдущую сноску.

⁴ Впрочем, сегодня высказываются отдельные мнения о том, что предлог обладает лексическим значением, «пусть и ослабленным» [8, с. 281]. В.В. Виноградов лексическое значение предлогов сводил к их грамматическому значению [3, с. 34], что кажется более точным и объективным.

Итак, о синтаксической функции предлога в сочетании с характеризуемым им существительным можно говорить лишь условно, поскольку он не имеет признаков автономной языковой единицы: он «не может в естественных коммуникативных условиях образовывать полное высказывание» [11, с. 21]. Синтаксический параметр в качестве одного из ведущих в выделении части речи – предлога-послелога, – таким образом, «не срабатывает».

Специфическая синтаксическая функция слова может быть единственным грамматическим критерием выделения отдельной части речи – в том случае, когда собственно морфологический и словообразовательный критерии⁵ оказываются нерелевантными; в качестве достаточно тривиального напоминания можно указать категорию состояния, которая в высказывании является всегда и только предикатом (и которая, как известно, лишь сравнительно недавно признана отдельным полноправным членом «содружества» частей речи в СРЯ; сомнения по поводу правомерности включения ее в данную систему высказывались еще в конце 60-х гг. прошлого века – см., напр., работу И.Е. Аничкова [1, с. 127]). Вместе с тем предикативная функция, лежащая в основе выделения слов со значением состояния в особую часть речи, не является для них вполне достаточным синтаксическим признаком: слова КС, в силу своей семантики (также конституирующий признак), функционируют только в так наз. безличных (односоставных) предложениях, обозначающих состояние в широком смысле. Синтаксический тип предложения, таким образом, также является очень важным условием, благодаря которому слова КС выполняют свою главную синтаксическую функцию, которая, в свою очередь, служит их «частеречным маркером». Однако синтаксическая позиция слова КС не влияет на его указанную синтаксическую (предикативную) функцию: *Сегодня тепло – Тепло сегодня.*

Эти, достаточно банальные, вещи говорятся здесь для того, чтобы, на их фоне, не возникло никакого искушения приписывать предлогам некий скрытый «трансформационный потенциал», который в нужный момент (перестановка предлога в постпозицию) проявляет себя настолько радикально, что превращает их в

⁵ Традиционная «триада» языковых признаков для выделения частей речи, восходящая к классической работе Л.В. Щербы («О частях речи в русском языке»), – семантические, морфологические и синтаксические, – конкретизируется, напр., в статье М.В. Жирмунского, разграничившего внутри морфологических параметров собственно морфологические (словоизменяемые) и словообразовательные [6, с. 21]. А.А. Реформатский также отметил, что «изучение словообразовательных потенций слов очень важно для определения частей речи» [13, с. 324].

иную сущность, в другую часть речи – послелого. Ведь и в пре-, и в постпозиции русские предлоги точно так же управляют существительным и выражают вместе с ним те же самые значения, например целевое: *Трудится не денег ради – Трудится не ради денег*, – одним словом, выполняют одну и ту же функцию.

В качестве второго конституирующего признака послелогов исследователями указывается их управление существительным, или падежная валентность [18]. Однако в приведенном примере падежная валентность слова *ради* по отношению к характеризующему существительному *денег* остается тождественной: оно остается в Р.п., независимо от его позиции по отношению к данному существительному ($N_2 + \text{ради} = \text{ради} + N_2$). Т.е. оба признака – и падежная валентность служебного элемента, и его «особая» позиция в конструкции (постпозиция) не являются аргументом для выделения послелога в отдельную часть речи в РЯ, как это провозглашается, например, в [18]. В письменной речи постпозитивное употребление предлогов обусловлено художественными или экспрессивно-стилистическими задачами: для придания повествованию разговорного или поэтического колорита, для создания образности и т.п. Эти аспекты постпозитивного употребления предлогов (правда, всего двух – *ради* и *для*) исследуются, в частности, в работе Ю.Т. Долина [5], который, тем не менее, не склонен пересматривать их морфологическую сущность, переводя в послелого, лишь на том основании, что перемещение данных предлогов в постпозицию ведет к изменению их функционально-стилистических характеристик.

Следует заметить, однако, что возможность постпозитивного употребления не является чертой, характерной абсолютно для всех русских предлогов. Из первообразных предлогов к такому употреблению приспособлены только что упомянутые *для* и *ради*. Прочие, например *в*, *к*, *на*, *с*, трудно представить себе в данной позиции в обычных условиях⁶, хотя отдельные исследователи в этом убеждены (4, с. 273). Предлоги наречного происхождения *навстречу*, *мимо*, *вокруг*, *наперекор* и др. так же, как и *для* и *ради*, легко могут быть перемещены в постпозицию (*наперекор врагу – судьбе наперекор*). Этому способствует их тесная смысловая связь с наречиями с сохранением исходных обстоятельственных значений последних, а также обычная для этих наречий постпозиция [14, с. 206-207]. Впрочем, утверждать вполне определенно, что в примерах типа *Отряд прошел мимо слово мимо*

с обстоятельственным значением – непременно наречие (а не предлог, так как отсутствует эксплицитное управляемое существительное), нет достаточных оснований: вполне приемлемо, очевидно, интерпретировать в данном случае это слово с формальными признаками наречия, если исходить из его синтаксической функции, и как предлог – если предположить наличие латентного актанта-локума (ориентира), который является необходимым семантическим участником ситуации (*мимо нас*, *мимо укрытия* и т.п.).

Но наибольшие возражения вызывает некорректное использование термина «послелог» по отношению к русскому предлогу (или взамен его) на фоне весьма заметных расхождений во внутриязыковых статусах обеих единиц, если обратиться к тем языкам, где используются послелого, но нет предлогов, – например, к венгерскому. Ограничиваясь в настоящей работе данными этих двух языков, продемонстрируем несводимость понятия послелога к якобы коррелятивному ему понятию предлога (или наоборот)⁷.

На первый взгляд, русский предлог и венгерский послелог предстают как однопорядковые функциональные единицы. А. Шальга, в своем учебном пособии для венгерских преподавателей русского языка, их вообще «уравнивает в правах»: «Послелог – это часть речи, соответствующая русскому предлогу» [15, с. 88]. В качестве главного формального различителя для тех и других, что вполне ожидаемо, указывается позиция – соотв. после имени и перед ним [там же: 90].

Однако, несмотря на внешнее сходство, в статусе и функционировании русских предлогов и венгерских послелогов имеется принципиальное различие. Оно становится явным, если попробовать ответить на вопрос: кому в рамках релятивно-именной⁸ конструкции принадлежит роль грамматического «хозяина», а кому – «слуги»? В русских предложно-падежных сочетаниях грамматическим «хозяином», несомненно, будет существительное, а «служгой» – предлог, ибо он не является ведущим участником в выражении основных падежных значений у имени – при том, что он, несомненно, способствует их выражению – уточняя, расширяя и т.д., о чем уже говорилось выше.

В венгерском же языке послелог в сочетании с предшествующим существительным является как альтернативным способом выражения

⁷ Данному вопросу специально посвящена наша работа [2].

⁸ Термин «релятивные слова» в качестве общего названия в комплексном исследовании предлогов и послелогов предлагает К.Е. Майтинская [9, с. 9] – по-видимому, следуя И.Е. Аничкову, который, кстати, буквально ставит знак равенства между предлогами и послелогоми [1, с. 120]. В силу данного обстоятельства обсуждаемая здесь «новая» концепция «послелоговости» русских (и вообще славянских) предлогов не является полностью оригинальной.

⁶ Например, в обиходно-бытовой ситуации в качестве лингвистического казуса или окказионализма: *Поищи под диваном, под, а не за!* Однако в подобном употреблении первообразные предлоги отнюдь не «самодостаточно»: формальным базисом для них является эллиптированное существительное.

падежных значений, так и, в отличие от окончаний, отдельной языковой (словарной) единицей. Сказанное не следует понимать так, будто некоторое, одно и то же обстоятельственное значение всегда и свободно, «по желанию», может быть выражено либо окончанием, либо послелогом, хотя в целом употребление послелогов при существительных не пересекается с использованием ими падежных окончаний. Отношения послелога и существительного в ВЯ иногда прямо квалифицируются как «отношения обладания, владения» [16], в которых существительное воспринимается как расширитель послелога [16; 17, с. 113]; т.е. последний имеет статус «хозяина» в пределах их общего комплекса.

На фоне венгерских конструкций с послелогом служебная, подчиненная роль русских предлогов в сочетаниях с управляемыми ими существительными представляется самоочевидной: предлоги в данных сочетаниях не имеют статуса конструктивно необходимых грамматических элементов для выражения обстоятельственных значений (за исключением формы предложного падежа).

Что же касается послелога как конституента падежно-именной конструкции венгерского языка, то вопрос о предположительно вспомогательной его роли при выражении синтаксических отношений в ее составе даже не встает. И это вполне естественно, так как ни послелог, ни характеризуемое им существительное не обнаруживают признаков формальной зависимости друг от друга – если только не считать таковыми постпозицию послелога или наличие у существительного падежного окончания при некоторых послелогах. В обычном случае, т.е. при отсутствии окончания у существительного, следующий за ним послелог является единственным средством выражения у него тех или иных значений, чаще всего обстоятельственных, – коррелятивных тем, которые выражаются окончаниями существительных. Так что в сравнении с предлогом лексический статус послелога как отдельного автономного слова выглядит гораздо более очевидным, весомым, и, в свете сказанного, его вряд ли возможно даже гипотетически рассматривать в качестве такого же, как русский предлог, служебного грамматического компонента единой функциональной единицы – синтаксемы.

Из сказанного следует, что предлог и, как будто эквивалентный ему – теоретически – по значению и по функции, послелог на самом деле занимают в русском и венгерском языках различное положение, разный статус. Русский предлог в сравнении с венгерским послелогом предстает как менее автономная, как несамостоятельная лексическая единица⁹.

Подводя итог сказанному, можно, таким образом, констатировать, что связи и отношения русских предлогов и венгерских послелогов с характеризуемыми ими существительными выглядят в каждом из языков по-разному.

Русские предлоги управляют именем существительным, требуя от него определенной грамматической формы и, тем самым, претендуя на роль главного элемента в целой конструкции, – и в то же время семантически приспособляются к ведущему падежному значению имени. Синтаксическая связь послелога с характеризуемым им именем также недвусмысленно определяется как управление [12, с. 389]. Но венгерские послелоги чаще всего не требуют от характеризуемого существительного наличия специального падежного окончания, а предоставляют ему оставаться в абсолютной (словарной) форме, в связи с чем синтаксическую связь между ними нельзя назвать управлением в полном смысле слова – хоть в некоторых научных источниках, даже принадлежащих достаточно авторитетным лингвистам, нередко можно встретить утверждения (на наш взгляд, не совсем корректные), что послелоги управляют формой именительного падежа имени [9, с. 18]. Вопрос о синтаксической связи между послелогом и существительным в венгерском языке, на наш взгляд, остается открытым.

Венгерский послелог был взят нами в качестве отдельного представителя категории этих релятивных слов в разных языках, проанализировать особенности которых на всем массиве этих языков, разумеется, здесь не было никакой возможности. Позволим себе надеяться, тем не менее, что отмеченные выше различия между предлогами и послелогом (разумеется, здесь они названы не все; полнее этот вопрос освещается в нашей работе [2]) окажутся достаточно показательными, чтобы сложилась общая установка в вопросе о «послелоговом статусе» русских (да и других славянских) предлогов.

Русский предлог – единица с иным функциональным качеством, чем послелог. Инверсия предлога в речи обусловлена экспрессивно-стилистическими задачами и является результатом воздействия функциональных параметров стиля и не связана с выражением каких-то иных, по сравнению с его препозитивным (обычным) употреблением, значений или смысловых оттенков. Так что расширять категорию служебных слов РЯ путем «открытия» в нем новой единицы – послелога, в дополнение к имеющемуся предлогу, – пожалуй, вряд ли целесообразно.

⁹ Такой вывод подкрепляется следующей особенностью предлога, отмеченной В.В. Виноградовым: «Собствен-

ное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета» [3, с. 531].

Литература

1. Аничков И.Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? / И.Е. Аничков // Вопросы теории частей речи. – Л.: Наука, 1968. – С. 116-128.
2. Виноградов А.А. Венгерские послелого и русские предлоги: одно и то же с «противоположным знаком»? [в печати]
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Галактионова И.В. Предлог: препозиция и постпозиция / И.В. Галактионова // [Режим доступа]: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. – С. 272-273.
5. Долин Ю.Т. Предлоги-послелогои? / Ю.Т. Долин // Вестник ОГУ, 2005. – № 1. – С. 86-88.
6. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации / В.М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи. – Л.: Наука, 1968. – С. 7-32.
7. Крылов С.А., Муравенко Е.В. / Послелогои в русском языке / С.А. Крылов, Е.В. Муравенко // [Режим доступа]: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. – С. 278-279.
8. Лебедева Я.А. Актуализационная парадигма предлога / Я.А. Лебедева // [Режим доступа]: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. – С. 281.
9. Майгинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К.Е. Майгинская – М.: Наука, 1982. – 186 с.
10. Муравенко Е.В. Послелогои в русском языке / Е.В. Муравенко // X Летняя лингвистическая школа. – Дубна, 2012. – 17 слайдов. [Презентация]
11. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А. Плуноян – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
12. Поцелуевский Е.А. Послелог / Е.А. Поцелуевский // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: СЭ, 1990. – С. 389.
13. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1967. – 542 с.
14. Русская грамматика / Гл.ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1982. – Т. II. – 710 с.
15. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка: В помощь преподавателям русского языка, обучающим венгерских студентов / А. Шальга – Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. – 152 с.
16. A névutói kifejezés // [Режим доступа]: www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop425/2011_0001_536_Magyar_Vyekv/ch05s05html
17. Csernicskó I., Karmacs Z. Szófáitan és morfológia / I. Csernicskó, Z. Karmacs – Beregszász, 2008. – 168 old.
18. [Режим доступа]: www.solarix.ru/grammar//preposition.shtml
19. [Режим доступа]: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/poslelog/?q=486&n=1370
20. [Режим доступа]: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926

Анатолий ВИНОГРАДОВ**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОСЛЕЛОГАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Аннотация. В статье ставится вопрос о правомерности выделения в СРЯ послелогов как отдельной служебной части речи наряду с предлогами. На частном примере послелогов в венгерском языке автор демонстрирует разноплановость обеих категорий этих служебных слов и некорректность интерпретации одного через другое (предлогов через послелогои или наоборот).

Ключевые слова: русские предлоги, венгерские послелогои, значение и синтаксическая функция в именных конструкциях.

Anatoly VINOGRADOV**ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF POSTPOSITIONS IN RUSSIAN**

Summary. The paper raises a question, whether is it right to single out postpositions in Russian as a separate part of speech equally with prepositions, or it isn't. On the particular case of the postpositions in Hungarian, confronting one and another, the author shows the non-similarity of these two form-word lingual categories in both of languages and demonstrates the incorrectness of a way to interpret one through another (prepositions through postpositions or back).

Key words: R. prepositions, H. postpositions, meaning and syntactical function in constructions with names.

Стаття надійшла до редакції 19.04.2018 р.

© Виноградов А.О., 2018

Виноградов Анатолий Алексійович – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології та світової літератури Ужгородського національного університету.